УДК 882.09-31

И.А.ЧАРОТА

«ТИХИЙ ДОН» М.А.ШОЛОХОВА В ЮГОСЛАВСКОЙ КРИТИКЕ (1930-е годы)

Знакомство югославов с творчеством М.А.Шолохова начинается в 1931 году, когда на сербскохорватский язык был переведен рассказ «Семейный человек» (под новым названием – «Отец»), а на словенский – отрывок из «Тихого Дона».

Первым в Югославии откликом на знаменитый шолоховский роман является статья Марка Слонима, напечатанная в эмигрантском (но сербскохорватскоязычном) журнале «Руски архив» [1]. Статья, разумеется, отразила и личные пристрастия критика-эмигранта, и позицию издания, являясь в то же время и эхом споров, имевших место после выхода первых книг «Тихого Дона» в советской критике. Но, что существенно, главный вопрос, который ставил М.Слоним, – это отношение Шолохова к творческому опыту русских классиков, прежде всего Льва Толстого. Нельзя не заметить, что правомерное и до сих пор используемое сопоставление «Тихого Дона» с «Войной и миром» в данном случае имело явную односторонность. По Слониму, шолоховский роман не представлял собою ничего новаторского. Он, дескать, «в духе толстовского анализа», но «однообразен и несамостоятелен», «полностью сконструирован по схеме «Войны и мира», к тому же в последней части «перенасыщен документальным материалом». Акцентируя внимание на том, что «в центре романа любовная интрига», критик ушел, соответственно, от истинного содержания оцениваемого произведения и не смог найти критерии, чтобы адекватно определить его жанр. И это не случайность. Приведенные мнения, с некоторыми вариациями, Слоним неоднократно повторял позднее. Например, и в статье «Возвращение к Толстому» он утверждал, что «Тихий Дон» построен по образцу «Войны и мира», а любовная интрига этого романа полностью переносит в народную среду конфликт из «Анны Карениной» [2]. «Заимствованное у Толстого» Слонимом подчеркивалось также при оценке «Поднятой целины» [3].

Под иным углом зрения традиции и новаторство «Тихого Дона» рассматривал хорватский критик Стеван Янич [4]. Он поставил вопрос: «Чем велик и народен Шолохов?» и дал обстоятельный ответ, сосредоточив внимание на национальной самобытности писателя и особенностях нового взгляда на историю. Определение «эпопея» по отношению к «Тихому Дону» впоследствии югославскими критиками будет использоваться часто, но первым из югославов его употребил С.Янич, аргументированно квалифицировавший роман Шолохова как «эпическое произведение эпохи». Примечательно также, что в публикации этого автора обосновывалась необходимость в скорейшем переводе шолоховского эпоса, который должен активизировать интерес югославских писателей к своей национальной истории и послужить важным ориентиром.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

Контекст, в котором рассматривалось значение «Тихого Дона», был весьма широк. При сравнениях наряду со Л. Толстым часто упоминали В.Реймонта. Причиной тому, конечно, было сходство в тематике, а точнее – в объектах изображения. Вместе с тем, пожалуй, какую-то роль играло желание критиков «поднять» еще недостаточно известного широкому кругу югославских читателей Шолохова до уровня высоко чтимого Толстого и весьма популярного в то время Реймонта. Подобный смысл прежде всего имело также сравнение М.Шолохова с Э.Золя.

Однако восприятие творчества М.А.Шолохова в Югославии с самого начала имело не только собственно литературную обусловленность, что отразилось и в названных выше литературно-критических публикациях, и особенно в характере издания сербскохорватского перевода первой книги «Тихого Дона» [5]. Обращают на себя внимание как трансформации-искажения, купюры, так и специфический подзаголовок – крестьянский роман из довоенной жизни донских казаков». Не исключено, что издатели пошли на это под влиянием цензуры. Но причина, по-видимому, не только в этом. Все-таки давали о себе знать интересы конкретных политических сил, влиявших на ввод шолоховского произведения в литературный и общественный процесс Королевства Югославии. Значительный интерес в этом плане представляет вступительное слово к публикации романа. Авторство его точно не установлено, однако имеются основания считать, что написал его Никола Андрич, основатель и глава издательства, известный переводчик славянских литератур и критик. В данном предисловии «Тихий Дон» представляется как роман крестьянский, а при этом постоянно присутствует акцент на его особенностях как явления культуры именно славянства: из художественных особенностей подчеркивается воплощение «глубокой славянской эмоциональности», по таланту Шолохов оценивается как входящий «в ряд наибольших рапсодов славянского крестьянства» и выражается уверенность, что его «непременно славянская сравнительная история литературы поставит рядом с Толстым и Реймонтом». В предисловии этом не обнаруживается, как это обычно было, про- или антисоветская политическая ориентация. Зато последовательно проводится идея славянской общности, имевшая весьма важное значение, особенно если иметь в виду нарастающую угрозу фашизма. Что касается непосредственно эстетического анализа «Тихого Дона», то можно сказать, что на его основе вряд ли могло сложиться верное представление как об авторе, так и о произведении в целом (не забудем: издавалась лишь часть его), хотя изложенное в предисловии, судя по всему, существенно влияло на восприятие Шолохова и читателями, и критиками. Так, впоследствии рецензенты повторяли введенное автором предисловия определение жанра «Тихого Дона» («роман-река»), перенимали подходы к оценке его своеобразия (уровень воплощения «прачеловеческого», «исконного», «инстинктивного»), заимствовали также аспекты сравнительного освещения.

Для ситуации Югославии 1930-х годов весьма показательна статья «Михаил Шолохов: «Тихий Дон», подписанная криптонимом «К-н» [6], по мнению В.Вулетича, принадлежащая известному писателю и публицисту Иво Козарчанину. В ней отразился живейший интерес к творчеству М.А.Шолохова, сопряженный с поиском решения проблем своей собственной среды. Соотнося творческие поиски автора «Тихого Дона» с опытом Э.Золя, В.Реймонта и ряда русских писателей-предшественников, К-н делает попытку проанализировать сущность различных идейно-художественных течений по их вкладу в разработку темы крестьянства. Он положительно оценивает достижения новой русской (т.е. советской – И.Ч.) литературы и творчество Шолохова прежде всего. Правда, в теоретическом и мето-

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

дологическом отношениях статья К-на сильно запутана: социалистический реализм трактуется как «творческий синтез натурализма и современной западноевропейской поэтической реализации (постсимволистской и постэкспрессионистской, формально) со старым реализмом Тургенева и Гоголя и мрачным, аскетическим, азиатским гуманизмом Достоевского...» Этот югославский критик выступает «за» новый метод, «за» созданные в его русле «Новую землю» Ф.Панферова, «Барсуки» Л.Леонова и «Тихий Дон» М.Шолохова. Особенно Шолохов, как писатель необычайно темпераментный, смелый, порвавший «связи с догматическими и конвенциональными схемами», обладающий «живым, мощным, динамичным и плотным стилем», по мнению автора статьи, воплощает своим творчеством идейно-эстетические возможности советской литературы, ее новаторство.

Уже во второй половине 30-х годов творчество М.А.Шолохова становится фактором литературного процесса Югославии: в печати этой страны появляются не только статьи о его произведениях, рецензии на только что появившиеся произведения, но и сообщения обо всех значительных фактах жизни – например, избрании депутатом Верховного Совета и членом Академии наук, о том, что советские читатели обсуждают его романы, в частности, «Поднятую целину» и т.д.; югославские критики и литературоведы к опыту автора «Тихого Дона» обращаются при обсуждении различных вопросов; неоднократно высказываются пожелания, чтобы скорее переводились остальные части «Тихого Дона», а также «Поднятая целина».

Как своеобразное обобщение позитивных результатов югославского шолоховедения 30-х годов можно рассматривать предисловие к белградскому изданию первой книги шолоховской эпопеи [7]. Существенно, что этот текст, скомпонованный как биобиблиографическая справка и резюме дискуссий вокруг «Тихого Дона», вводил читателя в мир произведения всего, уже законченного. Его автор, Борис Павич, представлял Шолохова с пиететом, давая характеристики однозначно высокие: «самый мощный талант в новой русской литературе после Максима Горького», обративший уже на себя «внимание мировой читательской публики». Б.Павичу удалось подметить и верно определить как традиции, наследованные автором «Тихого Дона», так и новаторскую сущность этого произведения, в силу своего «исторического размаха, широты концепции и художественного воплощения» несущего «гениальнее и мощнее всех остальных» впечатляющую и правдивую «картину переломного периода истории». Несмотря на весьма скромный объем данного предисловия, в нем нашли место характеристики многих особенностей творческой манеры писателя, управляющего «могучей... рукой колоссальным действием, которое течет и разливается, как река». Павич кратко, но емко отметил мастерство Шолохова в создании многочисленных образов, «оркестрировании бесчисленных сцен», живописании пейзажей, владении «краткой лирической фразой, насыщенной метафорами», необычайным даром обработки жизненного материала».

Жанр данной публикации не позволяет остановиться на всех аспектах поставленной проблемы. Но, пожалуй, не обойтись без обзора фактических данных, отражающих восприятие творчества М.А.Шолохова в указанный период: с 1930 по 1941 гг. на сербскохорватском и словенском языках 8 раз публиковался рассказ «Семейный человек», 2 издания имел сербскохорватский перевод первой книги «Тихого Дона», а по-словенски печатались два отрывка из него; «Поднятая целина» вышла отдельной книгой и в 3 публикациях фрагментами; по нашим подсчетам – возможно, неполным, – около 40 литературно-критических материалов югославской печати непосредственно связано с обсуждением творчества и жизни Шолохова.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

Конечно же, более пристального внимания заслуживает диапазон взглядов тех, кто был у истоков югославского шолоховедения. Однако хотелось бы верить, что и рассмотренные нами отдельные моменты дают некоторое представление о процессе рецепции и осмыслении наиболее значимых явлений русской литературы первой половины XX века, к которым, безусловно, относится «Тихий Дон» М.А.Шолохова.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Слоним М.*** Нова дела совјетске књижевности // Руски архив. 1930.Бр.10-11.С.162-179.
2. ***Слоним М.*** Враћање Толстоју // Руски архив. 1935. Бр.34-35. С.49-56.
3. ***Слоним М.*** Што се данас дешава у совјетској књижевности // Руски архив. 1933. Бр.22-23. С.82-95.
4. ***Janjić S.*** «Tihi Don» Mihaila Šolohova // Savremenik. 1931. Br. 14-15.S.214-218.
5. ***Mihail Šolohov.*** Tihi Don. Preveo N.Nikolajević. – Zagreb: Zabavna biblioteka, 1936. Knj. 589-590.
6. ***Mihail Šolohov***: «Tihi Don» // Savremenik. 1936. Br. 1. S. 36-38.
7. ***Михаил Шолохов.*** Тихи Дон. Књ. прва. Превео Н. Николајевић. – Београд: Космос, 1940. С. 5-6.

SUMMARY

The originality of interpretation of the novel "Tikhiy Don" by M.Sholokhov Yugoslavian critic in the 30s has been investigated, the role of his literary work the pre-war Yugoslavian literature being paid attention to.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова